

ность, постепенно превращаясь в сплошную прореху. Да и все вокруг Плюшкина, как пишет Гоголь, «становилось гниль и прореха, и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве».⁹

Последний мотив (человека как «прорехи на человечестве»), означающий отсутствие, пустоту на месте видимой реальности, имеет прямое отношение к Порфирию, в данном случае и прежде всего — к его alter ego, «мещанину в халате», который в виде грозного свидетеля и «улики» не существует.

Это соображение посещает Раскольникова по ходу второго объяснения с Порфирием: «Эй, вздор, брат, пугаешь ты меня и хитришь! Нет у тебя доказательств, и не существует вчерашний человек!» (6, 262), и раньше, в начале этой же сцены, заканчивающейся отсылкой к Гоголю: «Всё тверже и тверже укреплялась в нем мысль, что если бы действительно этот загадочный вчерашний человек, этот призрак, явившийся из-под земли, всё знал и всё видел, — так разве дали бы ему, Раскольникову, так стоять теперь и спокойно ждать? (...) Выходило, что или тот человек еще ничего не донес, или... или... просто он ничего тоже не знает и сам, своими глазами ничего не видал (да и как он мог видеть?) (...). Эта догадка, еще даже вчера, во время самых сильных тревог и отчаяния, начала укрепляться в нем» (6, 254).

Раскольникову не приходит в голову еще одно «или», еще одна догадка: «загадочный вчерашний человек», который приходит к Раскольникову и раз, и другой, не только не существует в качестве свидетеля преступления, но не существует вообще. А так оно и было.¹⁰

Вот почему, заметим попутно, хваля Раскольникова за остроумие, «игривый ум-с», Порфирий делает это не из чувства собственной ущербности, а безусловно из чувства превосходства. Но вернемся к Гоголю.

Будучи «прорехой на человечестве», Плюшкин тем не менее хозяин весьма состоятельный. Он выступает законным владельцем и продавцом как мертвых, так и беглых (т. е. хотя и отсутствующих, но все-таки живых) душ. Тех и других, торгуясь из-за каждой копейки, он сплавляет Чичикову,¹¹ а если учесть роль, которую тот у Гоголя играет, то сплавляет их просто к черту. Впрочем, Плюшкин и сам из той же породы. Во всяком случае, покупатели, имевшие с Плюшкиным дело по поводу вещей более материальных и осязательных, чем души, «торговались (с ним. — В. В.), торговались и наконец бросили его вовсе, сказавши, что это бес».¹²

Выделенные мотивы характеристики Плюшкина касаются и Порфирия, Порфирия уже самого по себе, вне зависимости от любого конкретного обличья, которое он принимает по необходимости или из любви к искусству, поскольку «дело следователя», по его убеждению, «это, так сказать, свободное художество, в своем роде-с или вроде того... хе-хе-хе!» (6, 260). Однако сама способность и любовь к такому «художеству» (переодеваниям, перевоплощениям, оборачиваниям и т. д.) здесь ясно указывает, что и в нем «бес» (ср.: «оборотень»). Ведь это лицедейство никому, кроме самого лицедея, не в радость. Напротив, оно всегда, в конце концов, несет муку.

Подобно Плюшкину, Порфирий тоже хозяин «в своем роде-с» — хозяин и мертвых, и беглых душ. Одних, кто, как старуха процентщица и Лизавета, раньше времени отправлены на тот свет (жертвы преступления), и других, кто, как Расколь-

⁹ Там же. С. 119.

¹⁰ В сохранившихся черновиках к роману мещанин появляется и действует отдельно от Порфирия. О внешности его и свойствах характера здесь, однако, нет речи, так же как нет речи об актерстве Порфирия и его переодеваниях. Совершенно очевидно, что стадия разработки темы в черновиках предшествует новому, более оригинальному и эффектному повороту темы в окончательном тексте.

¹¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 6. С. 128—129.

¹² Там же. С. 119.